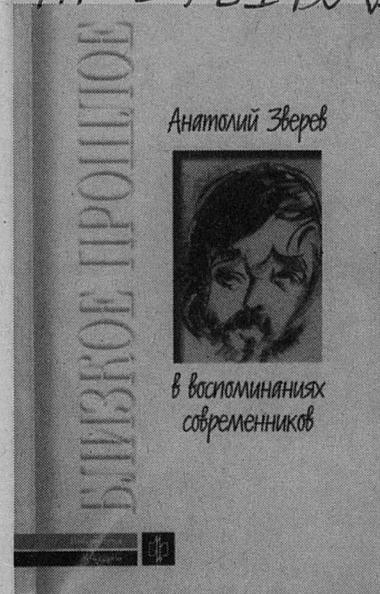

По прозвищу Зверь

Ван Гог резал свои уши,
а Зверев – чужие

НГ-EXLIBRIS - 2006 - 07 сентябрь с 9

Ольга Рычкова

Анатолий Зверев в воспоминаниях современников.

– М.: Молодая гвардия, 2006, 312 с. (Библиотека мемуаров: Близкое прошлое).

«...Для всех ценителей творчества Зверева весьма желательным было бы появление совокупного свода воспоминаний о нем. Это, в частности, явилось бы альтернативой тем тенденциям «канонизированной» пригласенности, которая уже наметилась в трактовке творчества художника и его судьбы». Желание искусствоведа Сергея Кускова сбылось. Перед нами сборник, включающий сорок с лишним воспоминаний об Анатолии Звереве, в том числе стихотворные посвящения ему («Да, рядом с нами жил Ван Гог./ Но после смерти нужен срок./ Чтобы признание пришло./ На этот раз оно вошло»), раздел «Искусствоведческий разговор о художнике» плюс отрывки из книг отзывов его посмертной выставки.

Анатолий Тимофеевич Зверев (1931–1986), или, как его называли, Зверь, был художником необыкновенным. Глядя на его работы, трудно представить, что он создавал их за считанные минуты, пуская в ход не только традиционные кисти-краски, но и все, что под руку попадется, – свеклу, веник, сапожную или зубную щетку, творог, воду из-под акварельных красок... Художник Адольф Демко, в частности, описывал творческий процесс так: «Когда его небескорыстно приглашали в гости, то обязательно просили нарисовать кого-нибудь из хозяев или гостей. Толик из этого устраивал целое представ-

Жизнь художника – тяжелый крест.

Анатолий Зверев. Распятие. 1958 г.

готов, причем особо привередливо позирующим Толик разрешал подправлять портреты...» Сейчас такие действия называются перформансами и устраиваются публично, Зверев довольствовался квартирами друзей, знакомых и почитателей.

Хотя жаловаться на непризнание было грех. Его работы покупали писатели, актеры, музыканты, высокопоставленные чиновники, иностранные дипломаты. На конкурсной выставке Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году

дожником и властью в его случае сводились к приводам в милицию и помещению в вырезвитель и психбольницу с диагнозом «шизофрения» – подлинным, не выдуманным советскими извергами в белых халатах. «Еще один погубленный гений на совести у варваров-коммунистов» – из книги отзывов посмертной выставки, 1989 год.

Однако, как заметила знакомая Зверева, коллекционер Наталья Шмелькова, «такая жизнь, при всей ее трагедийности, была его личным выбором». Он и сам

свое место прописки, Свиблово-Гиблово, откуда его забирали «за тунеядство».

Зато был свободен и пользовался этой свободой как умел. Свою возлюбленную Оксану Михайловну Асееву, вдову поэта Асеева (она была лет на тридцать старше Зверя), мог запросто покрыть матом или украсить синяком, приревновав к врачу, осматривавшему больную. Или растопить печку на даче собранием сочинений Асеева. Но больше всего впечатляют воспоминания его друга и коллеги Дмитрия Плавинского «Зверев в Тарусе», в которых есть такой эпизод. Гуляя по городу, компания художников столкнулась с парочкой местных «пижонов», один из которых стал задира Плавинского и схватил за руку. «Я пытаюсь вырвать руку. В это время Зверев, стоящий за его <пижона. – О.Р.> спиной, вытянутой рукой описывает в воздухе круг, идущий по касательной к земле, и легко, как бы лаская, останавливает руку у уха моего противника. Словно в замедленной съемке я наблюдаю, как постепенно ухо отделяется от головы, начинает падать и ложится, наливаясь кровью, на плечо алым погоном генерала.

Парень разжал руки и, как маятник метронома, начал раскачиваться взад и вперед.

– Чем это он тебя? – забыв про всякую злобу, обращаюсь к «метроному».

Едва шевеля губами, отвечает: «Не знаю...»

Искусствовед может быть доведен: о «канонизированной пригласенности» речи не идет.

Свободный художник имеет право жить без паспорта и бить вдову поэта Асеева

ление. Обычно приносилось ведро воды, в которое он эффектно макал кисти и так махал ими, что брызги с краской летали по всей комнате, паккая мебель и стены, что вызывало у гостей и хозяев трепет. На бумагу, лежавшую на полу или на столе, выливали потоки воды. Краска разбрызгивалась, разливалась. Толик священнодействовал, отпуская поминутно шуточки. Работал он на чем угодно и чем угодно. В дело шли бумага, картон, холст, тряпки, деревяшки. Он мог рисовать и красками, и зубной пастой, и окурками. Для него как бы не было преград. Он любил повторять, что он ученик Леонардо, но и Леонардо его ученик. Буквально за какие-то минуты портрет был

председатель жюри Сикейрос присудил Звереву золотую медаль. Десятки персональных выставок прошли с большим успехом во Франции, Швейцарии, США, ФРГ, Австрии, Англии, Дании и других странах еще при жизни автора – правда, без его личного участия... В родной Москве (в «Предисловии» к сборнику почему-то указано, что художник родом с Тамбовщины. На самом деле оттуда родом его отец и мать) он писал на заказ, продавал картины то за рубли, то за копейки и официально признан не был. Но, вероятно, мог бы – при желании. Желания не возникало: Зверь предпочитал жизнь скитальческую, полуподпольную, а отношения между ху-

не стремился к участию в выставках, отказывался от пенсии, годами жил без паспорта. Не получил профессионального образования – точнее, окончил художественное ремесленное училище, а из Художественного училища память 1905 года был отчислен через несколько месяцев. О причинах вспоминают по-разному – то ли за прогулы и ношение бороды (ученикам это запрещалось), то ли из-за своего заявления: дело педагога – обеспечивать учащихся красками и бумагой и больше ни во что не вмешиваться. Имея квартиру (однокомнатную на двоих с матерью, но все-таки), ночевал в чужих домах, а то и просто на скамейке: настолько боялся и не любил